

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

3023
Пролетарии всехъ странъ, соединяйтесь!

Ем. Ярославскій.

ОТЧЕГО
НЕТ ТОВАРОВ
В ДЕРЕВНЕ,

ХЛЕБА
В ГОРОДАХ?

Цена 25 коп.

Издание Уральск. Областн. Комитета Р. С.—
Д. Р. П. Екатеринбург, 1918 год

CP145526

338/421
2. 864

АРХИВ

Войны и ее последствия.

Война поставила под ружье около 25 миллионов взрослых работников во всех странах. Около 7 миллионов она насчитывает убитыми да больше 2 миллионов неспособных к труду людей-вот ее жертвы. Десятки миллионов крестьян и рабочих в тылу, не захваченных еще в состав армии, силы свои отдают той же войне. Огромные заводы и фабрики, раньше изготовлявшие все необходимое для населения, теперь работают исключительно „на оборону.“ то есть делают не то что надо для жизни человека, для труда, а делают то, что необходимо для смерти, для убийства, для разрушения человеческого благосостояния. Бог войны, ненасытный, кроетнимае у народа не только его сыновей, не только обезлюдил целые страны, разорил десятки и сотни городов, смел с лица земли тысячи деревень и сел, не только уничтожил скот, выжег леса и вытоптал посевы, не только пустил на воздух и дно морское сотни и десятки миллиардов народных денег во всех странах: он распатал, разрушил всю хозяйственную жизнь страны. Постепенно потухают горны плавильных заводов, сокращается добыча угля, железа, все труднее и хуже становится железнодорожное движение в стране, парходное движение на реках и трамвайное в городах. Приостанавливаются приводные ремни машин, гасают электрические станции, нечем отапливать квартиры в городах: в мрак и холод погружаются города, все тише бьется сердце хозяйственной машины, кое где уже перестают вертеться ее отдельные колесики, вылетают расхлябанные, стертые винтики. Голодно становится всюду: безконечные очереди и „хвосты“, перед хлебными, мясными, молочными. Не во что обуться и одеться: десятки рублей надо заплатить за пару сапог, за башмаки и опять таки стоять в очереди, в хвосте, чтобы получить эту пару обуви. Ткацкие фабрики не дают тканей, ситцу, коленкору, бумажен и других тканей для деревни и города. В деревне нет железа, гвоздей, нет сельскохозяйственных орудий. Все вздорожало в несколько раз, все труднее становится достать предметы первой не

обходимости. Голодные люди озлобляются: голод-плохой советчик, и темными голодными людьми уже пытаются воспользоваться те, кто хотел бы вернуть старые порядки. И надо понять, откуда идет этот хозяйственный развал, продовольственная разруха, можно-ли с этим злом бороться и какими средствами.

Женский и детский труд.

Для всякого ясно, что главная причина всех наших бед- война. Не в одной только нашей стране она дает себя больно почувствовать, а и в других странах-голод, разорение, дороговизна. Самый здоровый народ на войне; на фабриках и заводах, на железных дорогах, пароходах, на полях и лугах, в коях и рудниках работают уже менее способные, менее сильные старики, *подростки, женщины*. От этого *сокращается общая производительность труда*, общее количество производимых продуктов и товаров. В самом деле, до войны, в 1914 г., каждый рабочий на юге России добывал средним числом 753 п. каменного угля в месяц; когда началась война, рабочие оставшиеся работать на шахтах, увеличили добычу угля до 779 пудов в месяц; но затем, когда начали отправлять опытных и здоровых рабочих на войну и заменять их подростками и женщинами, а также корейцами, китайцами, как более выгодными для господ промышленников рабочими, более покорными, забитыми или же малоопытными, только что оторванными от сохи, то добыча каменного угля сократилась к концу 1917 года до 507 пудов в месяц на человека, то есть уменьшилась в полтора раза. Несколько примеров еще более пояснят только что сказанное. В московском районе в 78 предприятиях к началу войны было на каждую сотню рабочих 42 мужчин, 50 женщин и 8 подростков и детей; а в начале 1916 г. мужчин на тех же фабриках приходилось на каждую сотню только 32, женщин 56, а детей и подростков-12; значит число мужчин-рабочих *сократилось* на 24 процента, число женщин работниц *увеличилось* на 16 процентов, а число подростков и детей стало в $\frac{1}{2}$ раза больше, чем до войны. И это не только в ткацкой промышленности, где всегда было много женщин, но и в металло-обрабатывающей, в дерево-обделочной и в других отраслях. Конечно

фабриканту тут есть выгода: женщине и подростку он всегда заплатит меньше и даже не в полтора раза меньше, а еще дешевле; но производительность труда, количество товара от этого уменьшается. Значит, война поставила на место опытного и здорового работника-мужчины слабую и малоопытную работницу или подростка; война развязала руки фабриканту и он начал вывозить законтрактованных за нищенскую голодную плату несчастных китайцев и корейцев. А от этого только сократилось количество товаров на рынках.

Железнодорожное и пароходное движение.

И до войны у нас железных дорог и пароходов было недостаточно. И до войны у нас бывали задержки в движении грузов, в доставке товаров. Народные деньги тратились зря, а на самое нужное, на постройку густой сети железных дорог и увеличение числа паровозов и вагонов, почтовых путей оставались крохи. Как началась война, все железные дороги заняты перевозкой войск, орудий, провианта для армии, аммуниции, снарядов, лазаретов, больных, раненых, едущих в отпуск и из отпуска. На узлах железнодорожных и товарных станций образовались „пробки“, залежи товаров и провианта. Постепенно портятся паровозы и вагоны, рельсы и шпалы, а деньги нужны на войну, и железнодорожное (то же можно сказать и про пароходное) движение все больше и больше разстраивается: только за семь первых месяцев 1917 г. погружено на 980 тысяч вагонов меньше прошлого года, за один только июль этого года погружено на 250 тысяч вагонов меньше, чем в июле прошлого года. Число неисправных паровозов в январе этого года составляло около 17 процентов, а в июле 24 процентов, а на отдельных дорогах больше половины—до 55 процентов—паровозов и вагонов неисправных. На Сибирской жел. дороге прошлой весной сгнило несколько миллионов пудов мяса из-за невозможности вывезти его со станции, а в это время в городах Европейской России не было мяса. И сейчас еще можно было бы много хлеба, мяса, масла, рыбы и других продуктов доставить из Манчжурии и Сибири и других хлебобородных мест и мест, богатых

рыбой и екотом, да нет возможности, потому что дороги заняты перевозкой для военных надобностей, дороги приведены в разстройство; война, расстроив всю машину хозяйственной жизни, расстроила и те каналы, жилы, по которым, как кровь и питательные соки в организме, подвозятся к городам и селам продукты питания и необходимые товары.

Как мы потом увидим, даже и при этих условиях мыслимо было бы бороться с разрухой, еслиб, по прежнему, железнодорожное дело не находилось во многих местах в руках врагов народного дела, которое устраивалось так, что задерживают грузы с хлебом, а отправляют вагоны с подсолнухами и фруктами, с виноградом да арбузами; задерживают мануфактуру, отправляемую для деревни, а отправляют мануфактуру, которую господа фабриканты вывозят для того, чтобы припрятать для спекуляции.

Закрытие фабрик и заводов, копей и рудников.

За последнее время на юге, в одном только Донецком бассейне, закрылось около 80 каменноугольных предприятий. Всякий знает, что в современной промышленности уголь и железо составляют душу, перв. Даже во всей хозяйственной жизни: каменноугольные и железные короли более могущественны, чем всякие другие; из-за железа и угля ведутся самые кровопролитные войны, как сейчас между Францией и Германией из-за Саарской каменноугольной области, из-за Эльзасс-Лотарингии. Закрывая сразу около 80 каменноугольных предприятий, промышленники, угольные короли юга, знали, что они обрекают на голод миллионы людей. Но они надеются, что этим они заставят рабочих работать длинный рабочий день за голодную плату, они надеются, что этим убьют революцию, убьют свободу. И вот, благодаря недостатку угля, сокращается железнодорожное, пароходное и трамвайное движение, уменьшается работа электрических станций, нечем отапливать паровые котлы на фабриках и заводах, на мельницах, и десятки эти предприятий закрываются. В городах нечем отапливать дома. К чему это ведет в промышленности? Только за март месяц 1917 года обработка хлопка сократилась на

40 процентов, обработка металла на 40—60 процентов, обработка кожи на 41 процент.

Из-за недостатка топлива закрыты и сократили производство в Петрограде: заводы Сименс и Шуккерт, Забайкина, Железопрокатный, Донецкого Юрьевского Общества, „Пэлла“, Введенского, Александрова; в Москве и Московском районе по этой же причине, как об этом говорят сами фабриканты, закрываются: Покровская мануфактура (5500 ч.), Городищенская Суконная фабрика (1.100 ч.), Богородско-Глуховская мануфактура (11.400 чел.), Шелкоткацкая Зубкова, Циндель, Шрадер, Михайлова и Кириллова (всего 4.000 ч.). Конечно, тут не всегда можно довериться заявлениям самих фабрикантов, что они закрывают свои заводы и фабрики из-за недостатка топлива, но все же эта причина чувствуется очень сильно всюду. Дошло до того, что отдельные железнодорожные узлы перехватывают грузы угля, чтобы не остаться без топлива.

Что же говорят капиталисты, фабриканты и заводчики, сокращая или даже прекращая добычу угля, железа, закрывая фабрики и заводы? Ответ на это дает сводка данных о 43 металло-обрабатывающих предприятиях, закрытых в Петрограде. Из этих 43 предприятий только одно закрыто из-за понижения производительности труда, только 7 фабрикантов и заводчиков заявили, что закрывают свои предприятия из-за предъявления рабочими экономических требований, а 35 закрылись из-за недостатка сырья, топлива и заказов. И мы, в самом деле знаем, что многие предприятия закрываются из-за этих трех причин. Но присмотримся ближе, и мы увидим, недостаток сырья и топлива создан отчасти искусственно, хотя, главным образом, и здесь на первом месте стоит война. Труднее всего обстоит дело с ткацкими фабриками. Ткацкие фабрики закрываются из-за недостатка хлопка. Верно, что американский хлопок теперь ввозить невозможно или почти невозможно.

Но вот совсем недавно было опубликовано сообщение, что в складах своих при банках Туркестанские хлопководы сумели припрятать несколько миллионов пудов хлопка. Они это сделали, чтобы попридержать его подольше, пока цена на него подымется еще выше, а потом они выпустили его со складов, нажив сотни миллионов рублей на этой мошен-

нической спекуляции. А тем временем из-за отсутствия сырья закрывается десяток-другой фабрик, в деревню не идет ни аршина товар, товаро растет в цене, а десятки тысяч рабочих выброшены на голод и холод и весь ужас безработицы. Тут уже, как и в большинстве случаев, когда закрывают рудники и копи, виноваты сами господа промышленники, живущие ограблением населения. Но спросишь их и выходит, что виноваты рабочие, предъявляющие чрезмерные требования. Крестьянину и солдату они говорят то же самое: дескать рабочие берут очень дорого, а работают мало, оттого все и дорого, оттого и закрываются заводы. Я уже привел данные, что из 43 фабрик и заводов только один закрыт из-за того, что вырабатывалось мало. Этот случай непроверенный, возможно, что и тут причина другая. Но верно ли, что высокая заработная плата является причиной дороговизны товаров и недостатка их? Из тех же приведенных мною цифр видно, что только в незначительных случаях заводы закрыты из-за экономиче-ских требований рабочих. Посмотрим же, какова эта новая причина.

Высокая заработная плата рабочих.

Цена на квартиры выросла в городах в 10 раз, на соль, хлеб, мясо, одежду, обувь, в 5—10—12 раз. Если принять это во внимание, заработная плата рабочего должна тоже вырасти в 5—10 раз. На самом же деле она гораздо меньше. Правда, отдельные категории труда повысились оплатой. Например, типографские рабочие получают по тарифу 250 рублей в месяц, слесари и токаря по металлу зарабатывают до 600 рублей и даже выше. Но огромное множество рабочих осталось при жалкой плате за труд. Из тридцати слишком тысяч портных Москвы около 20 тысяч получают 108 рублей в месяц, т. е. 3 р. 60. в ден; при ужасающей дороговизне этих денег едва-едва хватит прокормиться. Но возьмите Орехово-Зуево. Там на ткацких фабриках для огромного большинства рабочих плата до сих пор 80 к.—1 р. 40к. в день; или вот—фабрика Липатовых (село Заболотье, Владимирской губ.): рабочие зарабатывают по 52 коп. в ден при 11½ часовом рабочем дне; или вот—фирма Локалова в Ярославской губернии, где на самом деле хозяйничают

Рябушинский Кошшии, Третьяков. Из 6000 рабочих занятых на фабрике, десятая часть рабочих зарабатывают меньше рубля в день и около 35 процентов зарабатывают 1 р. 20 к. и меньше в день. Из этих 6000 человек 600 размещено по фабричным квартирам, а 5400 получают по 5 р. квартирных денег, и многие из них платят за комнату без отопления 5 р. в месяц. А мешок картофеля стоит 15—30 рублей; пуд ржаной муки 30—50 рублей.

Вы видите, что заработная плата рабочих тут не при чем. Фунт гвоздей обходится фабриканту и теперь не дороже 30—50 коп. за фунт, а в деревне он стоит 1 р. 50 к. и 2 руб за фунт. При чем же тут высокая заработная плата рабочих.

Но фабрикантам и помещикам выгодно поссорить городских рабочих с крестьянами. Поссорив их им легче будет по отдельности разбить их силу и укрепить снова свою пошатнувшуюся власть над народом. На самом же деле рабочие в городах думают о том, как помочь крестьянам в беде и вы можете это видеть хотя бы вот из этого примера.

Рабочие—крестьянам.

Центр. Совет Фабрично-Заводских Комитетов обратился ко всем работницам и рабочим со следующим воззванием!.

„Тяжелые времена переживает рабочий класс в городах и крестьяне в деревнях. В городах большой недостаток хлеба и других продуктов питания. Целыми часами приходится простаивать в очередях и хвостах прежде чем получить свою долю питания; у трудящегося человека напрасно пропадает много времени, которое могло бы быть использовано с пользой. На ветру и непогоде простужаются и заболевают рабочие, работницы и дети. В результате увеличивается смертность населения.

И все из-за куска хлеба.

А в это самое время те, кто добывает хлеб своим трудом от земли, то есть крестьяне, — стонут от недостатка фабрично-заводских продуктов, без которых крестьянское хозяйство не может существовать. Оно с каждым днем все более и более приходит в упадок.

Что-бы был хлеб крестьяне должны иметь плуги, бороны, сохи,—для запашки, серпы и косы—для жатвы, цепи

молотилки—для молотьбы, телеги, шины для колес, молотилки, гвозди и другие предметы, нужные для починки. Все эти вещи нельзя в настоящее время достать даже и за дорогую цену, не то чтобы по сходной цене. Крестьяне видя, как гибнет от этого их хозяйство, начинают относиться враждебно к городским жителям вообще, а главное к рабочим, думая, что мы—рабочие виноваты в недостатке и дороговизне нужных для них предметов.

В результате крестьяне отказываются везти свой хлеб на продажу в город, зная что за полученные деньги все равно не купишь того, что надо. Так начинается вражда крестьян к рабочим, чрезвычайно опасная по своим последствиям. Этим постараются воспользоваться (и уже пользуются) враги революции.

Будем на страже, товарищи. Не допустим вбить клин между рабочим и крестьянами!

Как же это можно сделать?

Товарищи, покажем братьям—крестьянам, что мы не забыли о их тяжелых нуждах. Покажем это не словами только, не резолюциями, а делом. У нас есть сильные руки, умение работать и желание прийти на помощь крестьянам. Так примемся же за дело. Начнем выделку железных частей и предметов, необходимых для починки и поправки предметов крестьянского обихода. Выделим на каждом заводе отдельную группу рабочих (сельско-хозяйственную комиссию) для того, чтобы они специально занялись изготовлением для деревни металлических предметов. Весь завод отработывает за них это время, что получится по одному—два часа в месяц на человека. Материал для работы всегда найдется—мало ли его на каждом заводе в виде ненужного железного лома, старого хлама, обрезков брака. Все это валется сейчас по углам мастерских, по дворам заводов и фабрик.

Товарищи, сельско-хозяйственная секция при Центральном Совете Фабрично-Заводских Комитетов призывает Вас 2-го сентября устроить у себя на заводах и фабриках сбор всевозможного металла, как-то: браковочных частей, обрезков, обрубков, старых ломанных машин, и т. д. Собирайте, не откидывайте ничего, все будет использовано.

Товарищи, члены заводских комитетов, намечайте места свалок, назначайте сортировщиков около каждой свалки и т. д. Прежде чем приступить к работам, заводский комитет должен выработать подробный план сбора и сортировки. Работу надо производить в свободное время. Самое удобное приступить к сбору после урочных, устроив получасовой перерыв для обеда.

Если по техническим условиям не удастся устроить сбора 2-го сентября, перенесите его на один из ближайших дней. О результатах сбора немедленно сообщите в Ц. С. Ф.-З. К. в секцию снабжения деревни. Заводские комитеты должны взять на себя обязанность следить за тем, чтобы весь собранный материал действительно пошел на нужды деревни, а не попал в руки спекулянтов.

За работу, товарищи! Кто хочет поработать на пользу пахаря, не для наживы, а даром, чтобы по братски помочь деревне, пусть приступает к работе без замедления, чтобы к тому времени, когда нужно будет чинить телеги, когда заскрипят полозья саней по снегу, в деревню попали изделия, сработанные нами, и принесли крестьянину уверенность, что следующей весной он не останется с голыми руками.

Инструкции по производству сбора можно получить в Ц. С. Ф.-З. К. (Смольный Институт, ком. 39, первый этаж).

Это воззвание говорит само о том, что рабочие думают о деревне.

Высокие цены на хлеб.

Помещики, сами не покупающие хлеб, а продающие его, попридерживали до сих пор огромные запасы и не пускали его на рынок в оборот. Хорошенько пощупать всех помещиков, так окажется не мало хлеба. Но вот они собираются на частное совещание Государственной Думы и представитель их, Родзянко, сам крупный помещик, обращается к правительству с требованием повысить *твердые* цены на хлеб. И тут главный расчет не в том даже, чтобы получить за свой хлеб вдвое втрое больше, от этого они не прочь. Главный же расчет опять таки в том, чтобы на этом поссорить рабочих с крестьянами, разбить их союз.

Но крестьяне, если они вдумаются в положение дела, поймут, что никакого толку от *таких* твердых цен нет. Конечно, рабочие *против* повышения цен на хлеб, потому что сразу же вздорожают и все товары, а им увеличить заработную плату труднее. А крестьяне как будто и в самом деле получают больше денег. Но в том то и беда, что с поднятием цен на хлеб цены на товары сейчас же пойдут еще больше в гору, так как твердых цен на товары не установлено. Кому же выгодно, в самом деле, высокие цены на хлеб? Родзянко и другим помещикам, а также богатым крестьянам высокие цены на хлеб выгодны. Они, хотя тоже переплачивают на всех товарах, не так чувствуют эту переплату, как бедный крестьянин или рабочий. Но беднейшие крестьяне, малоземельные и безземельные, не только не продают хлеба, но сами еще покупают его. Для них вздорожание хлеба также невыгодно, также разоряет их, как и рабочего. Но и тем крестьянам, которые продают только небольшие излишки своего хлеба, это вздорожание хлеба не принесет пользы, так как они гораздо больше переплатят на вздорожавших товарах. Таким образом, вздорожание хлеба будет выгодно купцам, помещикам, богатым крестьянам, которые вырученные за дорогой хлеб деньги пустят в оборот, в торговлю, в акции, чтобы получать безконечно прибыли. Твердые цены на хлеб были бы выгодны, еслиб и на сапоги, железо, гвозди, ситец и другие товары были установлены твердые цены, еслиб эти товары были доступны всем жителям города и деревни. А этого нет. Больше того, 22-го августа в заседании общегосударственного продовольственного комитета большинством голосов повышены цены на сельскохозяйственные орудия на 200—250 процентов, по сравнению с ценами 1913—1914 годов. Это было сделано несмотря на то, что представители Советов рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов были против этого.

Ясное дело, что вместо поднятия цен на хлеб и на плуги, надо было другое. Оставив прежние цены на хлеб, добиться того, чтобы твердые цены на все другие продукты выравнивались бы по этим прежним ценам. Пусть цена на хлеб останется прежней, но чтобы и крестьянин и рабочий могли бы купить по дешевым ценам предметы вер-

вой необходимости. Но это невыгодно помещикам, фабрикантам, купцам—спекулянтам. Если нужны доказательства, что это увеличение твердых цен на хлеб без установления твердых цен на другие товары вредно и направлено против бедноты, то их каждый день дает сколько угодно. Только в одном № 205 „Русск. Слова“ 7. IX. 17 г. опубликованы протесты против этого распоряжения Бессарабского Губернского Съезда крестьянских депутатов, Совета Полтавского Губернского продовольственного комитета, Николаевской уездной продовольственной управы (Самарск губернии). Что же говорят в этих протестах крестьяне? Бессарабский съезд крестьянских депутатов считает это *повышение хлебных цен „тяжелым бременем, возлагаемым на бедный крестьянский рабочий народ“*. „Съезд просит оставить цены на хлеб без изменения а взамен повышения цен на хлеб понизить вдвое и установить твердые цены на товары“. „Съезд заверяет, что хлеб в крупных хозяйствах можно получить в избытке“. Из Полтавы городская управа заявляет, что *„повышение твердых цен на хлеб не только не разрешит продовольственного кризиса, но еще больше усложнит его. Увеличения подвоза хлеба нельзя ожидать, так как земледельцы будут держать хлеб в ожидании нового повышения цен. Повышение цен на хлеб вызвало вздорожание всех других товаров, и это грозит вызвать беспорядки“*. Николаевская уездная продовольственная управа пишет: „В Николаевском уезде неурожай. Во многих волостях и уездах большая часть населения уже теперь питается покупным хлебом. Повышение цен на хлеб поставило эту часть населения в крайне тяжелое положение“.

Надо ли больших доказательств вредности такой меры, надо ли доказывать, что только помещики и богатые крестьяне могут поддерживать ее!?

Бумажные деньги.

В самом начале войны на каждом бумажном рубле можно было прочитать напечатанное Государственным банком заявление, что стоимость ассигнации обеспечена наличным запасом золота или серебра. Теперь давно уже отошло это время, и за наш русский рубль за границей нигде не

платят полностью: где 30 к., где 25 к. стоит наш рубль, а в Персии, так даже 8 коп. за него платят. Значит, если надо купить за границей товаров на рубль, то в Персии, например, надо заплатить русскими деньгами за этот товар наших 12 р. 50 к. бумажками. Печатный станок непрерывно выпускает эти бумажки, копейки, пятаки, гривенники, полтинники, которые быстро изнашиваются, треплются, портятся, а вместо них выпускают новые миллиарды бумажек. Конечно, цена наших денег все больше и больше падает. Что из того, что заработная плата доходит до 20 и даже более рублей, когда эти рубли дешевле прежних гривенников и пятаков? Ну, продает крестьянин хлеб по дорогой цене и получит кучу бумажек, а за эти бумажки ничего купить не может; если положить их сейчас в банк, так после войны ему за них заплатят в 10—12 раз меньше. Значит, безконечное печатание бумажных денег только увеличивает хозяйственный развал, разруху, экономическое разорение страны. Да, скажут нам, а откуда же взять деньги? Пусть подумают о том, куда деваются десятки миллиардов, которые занимают во время войны в Западной Европе и Америке? Значительная часть их скопилась у капиталистов и помещиков. Государство и должно обратить свою силу против этих классов, у них взять деньги, *обложить их единственным крупным налогом*; кроме того, их необходимо *безпощадно обложить постоянным налогом, конфисковать у них „военную прибыль“*. Даже в Англии и Германии, значительная часть „военных прибылей“ конфискуется государством. Что касается десятков миллиардов долга, как по внутренним, так и по внешним займам, то тут буржуазия как иностранная, так и русская просто пытается обезпечить себе на долгие годы возможность получать проценты по займам. Это увеличивает выпуск бумажных денег, увеличивает общий хозяйственный развал. В интересах крестьянской бедноты и рабочих Государство должно объявить эти долги недействительными, обезпечив только уплату небольших вкладов и трудовых сбережений в сберегательных кассах.

Спекулянты мародеры.

Когда то, бывало, рыбопромышленники закапывали в землю миллионы пудов рыбы при богатом улове, только бы повысить цену. Во время войны спекуляция товарами, искусственное вздувание в гору всех цен стало обычным ненаказуемым занятием купцов, поставщиков, торговцев. Товары, чтобы поднять их цену, прячутся на складах, в банках, в подвалах, хоронятся. В то время, когда голод царит кругом, торговцы зачастую гноят хлеб, рыбу и другие продукты. Уже много раз такие их проделки раскрывались, но большинство этих спекулянтов до сих пор ускользало из рук народа и продолжает его грабить. Если произвести повальный осмотр и учет всех складов, товарохранилищ, подвалов, погребов, лабазовъ, то окажется, что запасов гораздо больше, чем их выпускают в оборот. Но такой осмотр и учет произвести необходимо всюду. Рано или поздно продовольственные комитеты и Советы должны будут это сделать, и лучше сделать это теперь же, чем позже. Я уже указывал на то, как наши хлопководы припрятали хлопок, а разве другие не прячут? Наши мануфактуристы разве не отправляют теперь идущий на юг порожний состав вагонов с товарами для целей спекуляции, для наживы, сокрытия? То же самое и с хлебными запасами г.г. спекулянтов—помещиков. В том то и дело, что до сих пор еще им — полный простор в их мародерской работе. Это они закрывают, по уговору между собою, десятки заводов и фабрик, устраивая локауты рабочим и работницам, то есть попросту выбрасывая их на улицу. У них имеются и свои многомиллионные боевые стачечные фонды (запасы денег), из которых они выплачивают тем фабрикантам и купцам, которые потерпят убыток от массового закрытия фабрик и заводов. Это вот их работа, когда из Ельца, например, телеграфируют: „Все мельницы остановились. Рабочих рассчитали. Все остались без работы. Этому примеру хотят последовать еще другие фабрики. Просим принять самые энергичные меры“.

Контроль над производством и распределением.

Что же надо сделать, чтобы не дать закрывать без причины фабрики, заводы, копи рудники? Что надо сделать,

Чтобы товары вывозились и производились такие, в таком количестве, какие и в каком количестве необходимы для нужды народных масс? Что надо сделать, чтобы они не скрывались на складах, чтобы не залеживались на железнодорожных станциях? Прежде всего надо устроить контроль рабочего класса над производством. Для примера возьмем заводы Гужона и Бромлея. Гужон объявил, что должен закрыть свой завод, так как нет сырья и топлива. Ознакомившись с делом, рабочие указали на огромный вред для всей промышленности от закрытия этого завода. Правительство тогда взяло этот завод в свои руки, рабочие смогли, совместно с техническим персоналом завода, проявить свое влияние на ход производства. Что же оказалось. Согласно сообщения „Торгово-Промышленной Газеты“ от 15, VII, № 150, „Московское заводское совещание сообщило министру торговли и промышленности, что секвестрованной (отобранный в казну) металлический завод Гужона со времени секвестра (то есть отобрания от Гужона) чрезвычайно увеличил свою производительность.“ Поднялось и качество литых и чрезвычайно уменьшилось количество бракованных изделий. Вы видите: Гужон говорил, что нет сырья и топлива, что при свободе, завоеванной рабочими, работа не ладится. А тут оказалось и сырье, и топливо, и работа наладилась. То же самое почти на заводах Бромлея. То же на заводе фон-Бреннера. Вот теперь хотят закрыть Сормовские заводы, и рабочие опять так все усилия прилагают к тому, чтобы поддержать завод. Но это они могли бы сделать только тогда, если бы могли контролировать хозяев и администрацию завода: проверить все книги, все счета хозяев, проверить заказы, проверить наличие сырья, топлива, производить на заводах и фабриках то, что необходимо для широких кругов населения, наладить не только производство, но и позаботиться о том, чтобы продукты и товары поступали аккуратно всюду, где в них нуждаются. Это очень трудно, невозможно сдѣлать без рабочих, этого совершенно не хотят и не могут сдѣлать сами промышленники, это могут осуществить только рабочие в союзе с деревней. Надо, чтоб фабриканты подлежали уголовной ответственности. За сокрытие каких-нибудь данных, касающихся производства, надо конфисковать в общественную

1925.5.17

собственность все те заводы и фабрики, которые закрыты фабрикантами, равно как и те фабрики и заводы, которые они захотели бы закрыть. Надо, насколько возможно, пустить полным ходом производство товаров и там, где нет сырья, заменить выделку одних предметов другими. Само собою разумеется, за это будут стоять рабочие и бедняки деревни, против этого сами предприниматели-хозяева. И осуществить такой контроль можно только тогда, когда с буржуазией ведется решительная борьба, а не тогда, когда с нею уговариваются, ей уступают, с нею вступают в соглашение. На этот путь наше правительство до сих пор не может стать: оно заявило, наоборот, что не допустить вмешательства рабочих в контроль над ходом производства и распределением. Но народная власть вынуждена будет стать на этот путь в самое короткое время, если она не захочет допустить полного развала промышленности. Только такая народная власть может и железнодорожное движение улучшить так, чтобы железные дороги перевозили как раз то, что необходимо для народа, а не то, что выгодно и необходимо богатым классам. Только такая власть может вывести злоупотребления, какие до сих пор мешают правильному распределению хлеба и товаров по всей стране.

Переход земель, средств и орудий производства в общественное пользование.

Многие помещики в ожидании того, как разрешится земельный вопрос, не засевают своих полей. Они боятся, что посевы будут сняты крестьянами. Или засевают очень малую часть своих земельных владений. От этого очень сократилась площадь посевов, и хлеба становится еще меньше. Что крестьянам невтерпёж стало дожидаться, когда, наконец, покончат с земельной теснотой крестьян и с помещичьей властью, лучше всего видно из того, как растут так называемые „аграрные беспорядки“, то есть беспорядки из-за плохого земельного устройства, из-за земли. Всего записано с 1-го марта 1917 г. до половины августа официально 2367 случаев. Если присмотреться к этим „беспорядкам“ по районам, по областям, то увидим, что где те-

снее, где больше, острее земельная нужда крестьянина, там больше и так „называемых аграрных беспорядков“: Центральный район—521 случай; Средневолжский—450; Белорусский—320; Нижневолжский—212; Промышленный—145; Новороссийский—135; Малороссийский—133; Юго-западный—121; Приуральский—23; Западносибирский—14; Степной—13 случаев и так далее.

Какие же это были беспорядки? 839 случаев—„захват угодий“; 393 случая захвата живого и мертвого инвентаря, орудий, скота, семян, снопов и сена с полей, потрав лугов и нив; 307 случаев запрещения помещикам рубить и вывозить лес, снимать урожай, захват заводов и мельниц, самовольной уборки фруктов; крестьяне снимали рабочих военнопленных с помещичьих полей для обработки своих, так как из-за войны и недостатка рабочих рук некому было убрать крестьянские поля; или снимали пришлых рабочих с работ, чтоб не дать нанимать их за бесценок, крестьяне сами отменяли прежнюю арендную плату и назначили свою или совсем ее запрещали.

Но это вовсе не „озорство“, как это хотят изобразить помещики, это и не месть. Когда в 1905—6 годах крестьяне мстили помещикам, то на целые сотни верст по ночам видать было зарево горевших усадеб. А теперь за все время, на всем пространстве России было всего 67 случаев „нападения на усадьбы“. Ясно, что захваты скота, орудий, а затем мельниц, заводов, торфяников произошли от того, что война лишила крестьян рабочего и другого скота и орудий производства. Оттого все хозяйство упало. Оттого и хлеба не достача. Значит, чтобы сейчас же иметь возможность засеять всю свободную землю, надо все помещичьи, монастырские, церковные, удельные, кабинетские земли передать безотлагательно земельным крестьянским комитетам, со скотом, орудиями, мельницами и семенами на обсеменение. Тогда не будет земельной нужды, тогда не будет безхлебья, и страна наша не будет знать голода, когда крестьяне едят мякинный хлеб, а амбары помещиков ломятся от хлеба.

Но точно так же необходимо будет отобрать в общую собственность „национализировать“ не только все средства и пути сообщения, все дороги, пароходы, но и те заводы и

фабрики, которые имеют общегосударственное значение, а таким в настоящее время являются, например, фабрики и заводы, изготовляющие машины и сельскохозяйственные орудия, все копи и рудники. Тогда не станут закрывать господа промышленники эти копи и рудники, не смогут оставить страну без угля и железа, не смогут приостановить и расстроить хозяйственную жизнь страны, как это сделали сейчас. Но господа капиталисты сильны не только тем, что в их руках эти важные отрасли народного хозяйства, у них в руках банки, которые снабжают деньгами на спекуляцию, на мародерство, дают возможность закрывать фабрики и заводы, копи и рудники, у них в руках капитал. И необходимо все банки взять под контроль государства, которое могло бы эти капиталы употребить на то, чтобы поднять народное хозяйство.

„Трудовая повинность“.

Иные думают, что можно поправить дело продовольственного развала введением так называемой „трудовой повинности“. Рабочий и крестьянин все равно всю жизнь отбывает трудовую повинность. Рабочий не может сидеть без работы, — иначе он умрет с голоду. Но совсем другое дело та трудовая повинность, которую хотят ввести. Это будет барщина, — самая худшая, какую можно себе представить, — барщина, отдающая рабочий класс в руки военно буржуазных верхушек нашего общества. Трудовая повинность должна прикрепить рабочего к указанному ему заводу, крестьянина к данному хозяйству. Сейчас, например, пока еще земля в руках у помещиков, крестьянин, при трудовой повинности, *обязан будет* обрабатывать землю помещика на условиях, какие предпишут ему военные генералы и ставленники господствующих классов. Трудовая повинность может отправить мужа на один завод, а жену в другой город, на другой завод: как встарь помещик мог продать мужа одному хозяину, а жену другому. При трудовой повинности рабочий не может сам выбирать себе место работы, свободный выбор местожительства ему запрещен, точно также, как все условия труда определяются заранее, и рабочему запрещается право стачек. Тут бедняки города и деревни

будут связаны по рукам и ногам, всякая борьба за улучшение условий труда делается невозможной: дороговизна еще больше замучит тогда массу бедноты. Трудовая повинность, если ее ввести у нас, будет во всех смыслах ухудшением положения рабочего класса, она не создаст ни хлеба в города, ни товара в деревне, но она поможет капиталистам и помещикам согнуть в бараний рог бедноту города и деревни, она уничтожит не только свободу, завоеванную народом, но и тень этой свободы.

Заключение.

Всякому ясно, что и безтоварье и безхлебье, вся продовольственная разруха, весь хозяйственный развал, какой мы переживаем, главным образом, зависит от того, что четвертый год идет самая подлая, самая кровопролитная, самая разорительная международная бойня, затеянная царями и капиталистами. Но высокая заработная плата причиною дороговизны продуктов, не восьми часовой рабочий день, а причиною падение производительности труда вследствие замены здоровых и опытных работников слабыми и малограмотными, причина в том, что все наиболее работоспособное захвачено войною. Причина дороговизны в бумажных деньгах. Причина в умышленном расстройстве всей хозяйственной жизни господами капиталистами, заводчиками, фабрикантами, помещиками, банкирами и их прислужниками, причина дороговизны, безтоварья и безхлебья в том, что умышленно скрываются на складах и в амбарах товары и хлеб, умышленно закрываются копи и рудники, фабрики и заводы, умышленно делается все для того, чтобы костлявая рука голода и нищеты схватила за горло рабочий класс, как об этом говорил Рябушинский на съезде в Москве; причины в умышленном расстройстве транспорта, перевозки; причины в безземельи и малоземельи массы крестьянского населения; причины в продолжении войны по приказу иностранного капитала, который покрикивает на Россию: „Россия должна воевать, а не разговаривать“. Причины, наконец, в том, что власть до сих пор была организована, устроена так, что капиталисты, фабриканты, банкиры, помещики были господами в России и делали без-

препятственно все, что было выгодно им и что разоряло народ. Причины дороговизны товаров в том, что, устанавливая „твердые цены“ на хлеб, не установили соответствующих твердых цен на железо, инструменты, ситец, посуду и другие товары.

Значит, надо устранить эти причины. Надо покончить с земельной теснотой, с помещичьим простором. Тогда будет хлеб. Надо прекратить безграничное хозяйничанье капиталистов, устроить демократический контроль над производством и распределением, над банками, фабриками и заводами. Тогда будут товары, тогда прекратится спекуляция, тогда рабочие будут работать с утроенной охотой, с удесятеренными силами. Надо вырвать из рук мародеров и спекулянтов дело обмена, передать все дело распределения товаров демократическим, потребительным и производительным обществам, кооперативам надо самим рабочим и крестьянам сообща разработать и устроить обмен между городом и деревней,—тогда будет дешевый хлеб, будут дешевые товары. Надо установить твердые цены на хлеб не на один только хлеб, а на все предметы первой необходимости, понизив цены на товары таким образом чтобы уничтожить грабительские прибыли капиталистов. Надо провести налоги капиталистов и банкиров, взять в руки их банки, и прекратить печатание бумажных денег,—тогда не будет такой дороговизны, не будет таких „дешевых денег. Надо объявить недействительными договоры, заключенные втайне от народа еще царским правительством, надо потребовать предложить справедливый народный мир; надо столкнуться самим народам насчет этого мира, попытаться закончить войну. Если не удастся прекратить войну миром, если цари и капиталисты всего мира будут все-таки ее продолжать тогда против них вместе с нами, пойдут угнетенные и ограбленные народы всего мира, чтобы самим уничтожить войну и наладить распатанное народное хозяйство.

Чтобы все это выполнить, надо всю власть передать в руки бедняков города и деревни, рабочего класса города и деревни и беднейших крестьян. Тогда и в других странах народы поймут свою дорогу, свою силу и подымутся против тех, кто хочет затянуть войну. Если помещики и капиталисты хотят поссорить город и деревню, если они крестьянам

указывают как на виновников дороговизны товаров, на рабочих рабочим на крестьян, как на виновников дороговизны хлеба, то рабочие города и деревни, все бедняки города и деревни должны показать, что они едины, что они общими силами труженников будут бороться с властью капитала, с властью помещиков, с властью военных генералов. Общими силами покажут, что на место царства капитала, эксплуатации, нищеты, голода, войн, рабства, могут построить другое царство— царство труда, общего сотрудничества, благосостояния, мира, свободы—царство социализма.

В союзе рабочего класса города и деревни, в союзе всех угнетенных и обездоленных под красным знаменем социализма—вот наше спасение, наша победа! Все — под это знамя

